

— Пощади...

Холодная камера наполнилась тихим плачем и стонами несчастного пленника. Разве может быть по-другому во Дворце Наказаний?

Юн Ци задыхался от слёз и умолял помиловать его, когда младший брат, его младший брат, с которым они провели всё детство, проникал всё глубже, двигаясь резко и быстро в податливом ослабшем теле. Сил сопротивляться не осталось — ни моральных, ни физических.

За один лишь сегодняшний день Юн Шань насилывал его третий раз.

Бывший наследный принц и без того был страшно измотан, однако Юн Шань всё равно крепко связал его запястья эластичной верёвкой, насквозь пропитавшейся потом. Даже самые искусные яшмовые украшения не смотрелись бы так необычно на тонких белоснежных руках.

Покинув тело старшего брата, Юн Шань поставил ослабевшего Юн Ци на дрожащие колени и с силой притянул его к себе за тонкую талию. Тому оставалось лишь позорно покориться воле брата, позволяя глядеть на себя со всех сторон.

По внутренней стороне бедра стекало чужое семя. Собственный брат излил в него несколько раз, словно в женщину.

— Ещё не насытился? — спросил Юн Шань, и его руки потянулись вперед, касаясь белесой вязкой жидкости. Прикосновения холодных пальцев на мгновение отрезвили подавленного Юн Ци, и он неосознанно дёрнулся вперед, желая укрыться от очередной порции тирании.

Как ни странно, Юн Шань позволил брату отползти и спрятаться в ближайшем углу. Юн Ци выглядел до ужаса запуганным, слабым, и подобная реакция не вызвала никакого ответного отклика в душе принца, кроме лёгкого интереса. Когда Юн Ци замер, Юн Шань со спокойным лицом выволок несчастного из его крохотного убежища, притягивая к себе.

— Отлично, — шутливым тоном сказал Юн Шань. — Значит, у тебя ещё остались силы, раз ты пытаешься спрятаться.

Юн Шань вновь вошёл в ослабшее бледное тело, заполняя собою и без того истерзанного и измученного Юн Ци.

— Не надо, Юн Шань, я больше не могу... Я не могу... — слышались убитые мольбы пленника. Юн Ци понимал, что все его стенания напрасны и убоги, но где-то в сердце теплилась надежда, что брат в какой-то момент остановится.

Лишь одно ему было непонятно: за что же Юн Шань так мучает его? Юн Шань, а теперь уже наследный принц Юн Шань, мог обзавестись лучшими женщинами и юношами, однако он

отдавал предпочтение телу Юн Ци. Это был словно коварный план: сначала Юн Шань вынудил поцеловать его, затем приласкать рукой. Он обещал, что не тронет, но всё равно взял брата силой. После первого изнасилования интерес Юн Шаня к брату возрос в разы, и теперь Юн Ци не мог сопротивляться такому напору.

Самым пугающим было то, что всякий раз Юн Шань пытался распалить его, изводя неспешными ласками. В очередной раз связывая покрасневшие запястья, он использовал руки, чтобы найти чувствительную точку старшего брата. Юн Ци плакал, просил остановиться, а после изливался, чувствуя, что не может это контролировать, и тогда, иссушив брата досуха, Юн Шань оставлял его в покое. Иногда этого ему было достаточно, иногда он на всю ночь овладевал его телом.

Возможно, тело Юн Ци и реагировало, но душа постепенно умирала.

Утолив животный голод и окончательно вымотавшись, Юн Шань прекращал это насилие. Иногда ему хватало часа, иногда было мало ночи, но после он устраивался рядом с Юн Ци на постели и заключал тело брата в неожиданно мягкие объятия, словно оно только что не подверглось насилию. А что может быть хуже разговоров с тем, кто принудил к омерзительной близости? Только очередная порция тирании.

— Юн Ци, мы оба заключены в шипы терновника [1], — тихо шептал Юн Шань, прижавшись губами к ушку притихшего юноши.

С каждый днем Юн Ци всё отчетливее понимал, что сходит с ума.

Раньше он хоть немного различал правду и ложь во Дворце Наказаний. Он понимал, честны ли с ним слуги, лгут ли ему министры — теперь же даже самое доброе отношение сострадательной прислуги казалось ему искусственным, лживым. Его мысли занимали несуществующие иллюзии, которые спасали его во время мучительных ночей, проведённых в объятиях Юн Шаня: он видел в воспоминаниях Наньлинь, своё детство, — лишь бы не возвращаться во Дворец Наказаний, не возвращаться к Юн Шаню. Любые грёзы были приятнее жестокой действительности, и постепенно Юн Ци начал терять связь с реальностью.

Иногда он вспоминал Юн Линя. Да, Юн Линя. Юн Ци помнил своего любящего младшего брата, тёплого, как летнее солнце. Вместе с воспоминаниями о нем где-то глубоко в груди просыпалась нестерпимая боль, которой не было никакого объяснения. И сегодняшней ночью Юн Ци снова вспомнил его.

В очередной раз излившись в Юн Ци, Юн Шань наконец-то успокоился и прилёг рядом, восстанавливая силы. Сегодняшнюю ночь от подобных им отличало одно: нащупав верёвку, наследный принц освободил красные запястья брата и неожиданно нежно стиснул мягкие ослабевшие руки в своих ладонях.

— Юн Ци, — заговорил Юн Шань, прижав юношу к груди и взглянув на пламя свечи, что одиноко освещала комнату, — Юн Линь вернулся.

Слабые руки пленника едва заметно дёрнулись, словно Юн Ци на мгновение что-то почувствовал, но Юн Шань мгновенно пресёк эту попытку, сковав тонкие пальцы в своих ладонях.

— Хочешь увидеться с ним? — спросил он, обнимая крепче юношу, которого брал бессчётное количество раз.

Жизнь, на мгновение вспыхнувшая в Юн Ци, так же стремительно угасла. Юн Ци не проронил ни слова, мёртвым взглядом уставившись перед собой.

Прошло много времени, и Юн Шань понял, что ему так и не ответят.

— Хорошо, я позволю тебе с ним увидеться, — сказал принц ровным голосом, не дрогнувшим ни на миг. Юн Ци не ответил, и его глаза не выразили хотя бы каплю живости.

Взглянув на морально опустошённого брата, Юн Шань почувствовал, как собственными руками разрывает своё сердце в клочья. Что он делает? Зачем, зачем убивает Юн Ци? Сердце сдавило спазмом, и от невыносимой боли глаза наполнились горячими слезами. Едва сдерживая их, Юн Шань опустил взгляд на прекрасный силуэт Юн Ци.

Алые царапины и багровые отметины на белоснежной коже, которые Юн Шань оставил на нём в порыве страсти, выглядели чудовищно. Больше Юн Ци не брыкался и даже не умолял прекратить. Сломленный, умирающий, он представлял собою зрелище по-настоящему ужасное. Над его телом надругались, его душу изуродовали.

В камере воцарилась давящая тишина. Юн Шань крепко обнимал Юн Ци. Юноша молчал, покорно прижавшись к груди брата.

Юн Линь же весь вечер послушно составлял матушке компанию за ужином. Они долго делились впечатлениями о жизни в разлуке, но императрица тонко подмечала, что её сын всё чаще упоминает в разговоре Юн Ци, о котором ей было слушать совершенно не комфортно. Она вдруг обернулась к служанкам и приказала убрать со стола димсам и засахаренные фрукты.

— Ты устал с дороги, — обратилась к Юн Линю женщина, — поэтому тебе лучше лечь пораньше и хорошенько отдохнуть. Твой старший брат, должно быть, сейчас у отца-императора, и я не могу сказать, когда он вернется. Думаю, утром вы встретитесь. Отдохни в моём дворце.

Юн Линю страшно хотелось всё разузнать, но, уловив лёгкое недовольство в голосе матушки, он понял что она недовольна куда более сильной близостью Юн Линя с Юн Ци, чем с братом-близнецом.

Никто никогда не спрашивал Юн Линя об этом, но он одинаково любил как Юн Шаня, так и Юн Ци. Юн Линю всегда нравилось, что Юн Ци был с ним добр, ласков и заботлив, а Юн Шань являлся его близнецом. Как можно было любить кого-то из них меньше или больше?

Но матушка была непреклонна, а потому у Юн Линя не было выбора. Он отправился спать. Постель была мягкой и теплой, но он всё никак не мог уснуть. Какая-то нарастающая тревожность не давала ему покоя. Снаружи полога, прикрывающего постель, его сон сторожила матушка, и мимо такой стражи Юн Линь не смог бы проскользнуть незаметно. Уснул он только через полчаса, когда накопившаяся усталость заставила его смежить веки.

Через четыре часа раздался звук колотушки часового. Юн Шань неторопливо возвращался во дворец в теплом паланкине.

Большая часть свечей во дворце императрицы была погашена, и лишь одна из них, горевшая в углу, тускло освещала занавески и прочую мебель.

— Матушка всё ещё не спит? — тихо подал голос Юн Шань, бесшумно проходя в комнату.

Императрица устроилась на новой скамье из черного дерева, которую ей прислали в качестве подарка, и облокотилась на подстилку из лисьих шкур. Её лицо не выражало никакой мысли, словно она задумалась настолько глубоко, что на какое-то мгновение потеряла связь с реальностью. Неожиданно раздавшийся в темноте голос Юн Шаня заставил её испуганно вздохнуть и резко обернуться, взглянув на стоящего на пороге сына.

— Уже приехал? — тихо спросила она, смягчившись. — Ты ел?

— Ел. Уже четыре часа ночи.

— Я знаю, — ответила так же тихо женщина. — Я слышала эхо колотушки. Мне захотелось перекусить перед сном... Ах, так холодно. Уже поздно. Я перекушу и пойду спать.

Женщина приказала подать тарелку горячего бульона из семян лотоса. Ей приходилось говорить совсем тихо, чтобы не разбудить спящего за пологом Юн Линя. Служанка шёпотом отозвалась и на цыпочках поспешно вышла из комнаты, вернувшись через несколько минут с тарелкой горячего бульона.

— Поставь на стол, — приказал девушке Юн Шань, — мы поедем чуть позже. — Он подошел к пологу и приподнял его, заглядывая внутрь.

На большой постели тихо сопел Юн Линь. Его поза была просто ужасной: он лежал на матрасе, крепко обнимая двумя руками большую подушку. Ватное одеяло, которым только что его укрыла матушка, было снова задрано, обнажая розовую обнаженную ступню. Поглядев на этого чудесного ребенка, Юн Шань беспомощно покачал головой. Эта сцена показалась ему

милой и одновременно забавной.

Он обернулся.

— Принеси ещё подушку, — приказал Юн Шань служанке, а затем склонился над братом, накрыв его обнаженную ступлю мягким одеялом. К счастью, выкопанный давным-давно туннель позволял теплomu воздуху от печки оставаться в комнате надолго, а потому Юн Линь даже при большом желании не смог бы замерзнуть.

Служанка засуетилась, и когда приказ Юн Шаня был выполнен, тот приподнял голову брата, подкладывая под неё подушку. Он плотно укрыл Юн Линя одеялом, а после распряился, не сводя с юноши взгляда.

— Он совсем не изменился.

— Он твой ровесник, но в его поведении есть что-то такое ребяческое, будто он всё никак не может повзрослеть, — тихо вздохнула императрица Шу.

— Что случилось, матушка? — спросил Юн Шань, присаживаясь рядом. — Когда он отправился в земли, пожалованные ему отцом, Вы с нетерпением ждали его возвращения. И сегодня он вернулся, но Вы снова вздыхаете.

— Как мне не вздыхать? Стоило ему только переступить порог дворца, как он, не успев присесть и утолить голод, заявил, что хочет встретиться с Юн Ци, — ответила женщина.

Юн Шань внезапно замолчал. Неожиданно воцарившаяся тишина заставила императрицу поднять взгляд на сына.

После недолгих раздумий Юн Шань медленно опустил взгляд на чашку с бульоном из ростков лотоса, что стоял перед ним. Он зачерпнул его ложкой, поднес к губам, мягко остудив, а после заговорил:

— Если матушка считает, что Юн Линю стоит вернуться обратно, так тому и быть. Мне не составит труда снова обратиться к отцу-императору и уговорить его исполнить Ваше желание.

— Я этого не говорила, — произнесла императрица Шу. Затем она печально вздохнула и продолжила: — Больше месяца Юн Ци заточен во Дворце Наказаний, и ты относишься к нему, как к драгоценной жемчужине. Ты даже приставил к нему слуг, которых никто, даже Чжан Чэнь, в глаза не видел. Что это значит?

— То и значит, — ответил Юн Шань, наконец-то попробовав бульон, когда тот немного остыл. — Во Дворце Наказаний находятся самые неумелые слуги. Когда Юн Ци заболел, я позвал новых, более внимательных, чтобы они ухаживали за ним.

— Тогда я передам Юн Линю, что завтра он сможет увидеться с Юн Ци...

— Матушка, — приглушенно перебил её Юн Шань.

Любая бы осеклась, но императрица Шу на то и была одной из самых влиятельных женщин дворца, чтобы невозмутимо перебить того, кто перебил её.

— Юн Шань, — заговорила она снова, — он твой брат, а не посторонний человек. Мне не важно, какие у тебя с Юн Ци отношения... Они с детства были очень близки. Несмотря на то, что он его сводный брат, их отношения друг с другом были теплее, чем с тобой. Уверена, ты знаешь характер Юн Линя. Если ему что-то запрещать, он начнет что-то подозревать.

— Я не говорил, что не позволю ему встретиться с Юн Ци, — заговорил безразличным голосом Юн Шань. — Пусть навестит его, но только не завтра. Я позволю им увидеться, но чуть позже.

Он поднялся на ноги. Его слова звучали твердо, и на лице матушки Шу проступило лёгкое недовольство. Но сегодня приехал её любимый Юн Линь, который теперь так сладко спал совсем рядом, и потому она понимала, что сейчас не лучшее время, чтобы устраивать сцены. Она замолчала, решив проглотить обиду. Юн Шань попрощался с матушкой, и та кивнула ему в знак прощания, с сожалением поглядев на спину так быстро выросшего сына.

А снег всё падал, и ему словно не было конца. В темноте ночи снежинки казались черными, напоминая падальщиков. Наверное, такой снег и должен выпадать в самом коварном месте страны?

Юн Шань молча покинул дворец матушки. На улице его дожидались евнухи, сидящие на холодных ступенях и потирающие замерзшие руки, и когда они заметили вернувшегося господина, тут же подскочили на ноги. Зная непростой характер кронпринца, они молчали, не решаясь ни о чем спрашивать. Когда Юн Шань сел в тёплый паланкин, слуги покорно подняли его, и, утопая в снежных сугробах, отправились в покои Его Высочества.

Юн Шань вышел из паланкина, когда добрался до дворца наследного принца, в котором он жил с тех самых пор, как принял этот титул. Не успел он толком поправить свои одежды, как к нему торопливо спустился главный придворный евнух Чан Дэфу, в обязанность которого входил порядок и контроль всего происходящего во дворце Его Высочества наследного принца. Встав перед Юн Шанем, евнух склонился перед юношей.

— Ваше Высочество наследный принц, принц Юн Шэн ожидает Вас.

Эти слова произвели на Юн Шаня впечатление.

— Зачем он здесь? Он сказал причину своего визита?

— Нет, но Ваш слуга предположил, что он здесь по очень важному делу. Он ждет Вас ещё со вчерашнего вечера. Ваш слуга хотел отправить к Вам слуг, чтобы ты сообщили Вам о его визите, но он попросил этого не делать. Ваш слуга распорядился подать принцу Юн Шэну ужин и несколько закусок.

Дослушав, Юн Шань направился во дворец. Юн Шэн сидел возле горящего камина и глядел на огонь, о чем-то глубоко задумавшись, однако он быстро поднялся на ноги, стоило ему только услышать приближающиеся шаги Юн Шаня.

— Ваше Высочество, Вы уже вернулись? — озвучил принц Юн Шэн очевидную вещь, обращаясь к брату.

Юн Шань приказал слугам покинуть комнату и оставить принцев наедине.

— Чан Дэфу передал мне, что ты ждешь меня со вчерашнего вечера. Что стряслось, раз ты так спешно приехал сюда? — спросил наследный принц.

Юн Шэн, бывший ему почти родным братом, слыл не шибко умным юношей с ужасными манерами. Он не мог сравниться даже с волосом с головы Юн Ци, однако у него присутствовало некоторое чувство изысканности, недоступное Юн Линю. И сейчас, судя по его лицу, эмоции на котором он скрыть был не в состоянии, он хранил какую-то тайну, которую хотел поведать старшему брату. Юн Шэн нахмурился, глядя на огонь, и после долгого молчания ответил:

— Я здесь по просьбе моей матушки.

— Наложницы Цзин? — едва не выгнул бровь Юн Шань. Взяв стул, он поставил его перед камином, и присел, бросив младшему брату: — Нет нужды стоять. Возьми стул и присядь.

Юн Шэн послушно сел.

— Теперь рассказывай, что случилось.

Юн Шэн перевёл взгляд на теплые языки пламени, так не проронив и слова. Для чего же, спрашивается, он пришел, раз не хочет теперь говорить?

Лицо Юн Шаня не выразило ни одной эмоции, пока его яркие глаза внимательно наблюдали за поведением неожиданно замолчавшего Юн Шэна.

— Мы можем обсудить всё, кроме дела твоего дяди, — заговорил Юн Шань, прервав затянувшееся молчание. — Им сейчас занимается отец-император, и я не буду перечить его воле. Распустить язык под действием алкоголя — не самое страшное в жизни, однако оскорбление наследника престола и его матери или попытка оклеветать императора, выдав

свою волю за его — серьезное преступление. Возвращайся к наложнице Цзин и скажи, что я не могу ничем помочь.

Юн Шань не просто так пользовался расположением своего отца — он был умён и хитёр, а потому сразу понял, что от него желает получить Юн Шэн. И он оказался прав: его сводный брат действительно приехал к нему из-за своего дяди Фан Цзомина.

В их маленькой семье всем заправляла наложница Цзин, бывшая в их семье главной, и именно по её приказу Юн Шэн оказался здесь. Выполняя её поручение, ему впервые пришлось оказаться лицом к лицу с принцем Юн Шанем. Юн Шэн был страшно высокомерным юношей, поэтому сначала его горло просто оказывалось разжиматься, чтобы позволить ему просить о чём-то, но теперь, стоило ему услышать слова Юн Шаня, которые звучали так, словно тот пытался заткнуть его, даже не выслушав, Юн Шэну показалось, что его окунули в грязь. Его душу охватила жгучая ненависть.

Юн Шэн вдруг прервал нависшее молчание:

— Это в интересах моей матушки, и я последовал её приказу, явившись сюда. Всю ночь я ждал Ваше Высочество и сделал всё, что от меня зависело. Если наследный принц хочет увидеть нашу смерть, так тому и быть.

— Я не желаю напрасной смерти, но наследный принц и государство должны быть справедливы и беспристрастны.

— А справедлив ли ты сам?

Эти грубые слова сильно не понравились Юн Шаню, но он не показал недовольства. На его лице проступила страшная улыбка. Он поднялся на ноги и поглядел на мгновенно стушевавшегося Юн Шэна сверху вниз. О, как жалок был этот братец! Но страх вдруг сменился холодной усмешкой, и Юн Шэн внезапно заговорил:

— Моя матушка просила передать одну вещицу лично кронпринцу. — Юн Шэн огляделся, словно кто-то мог подслушать их разговор, а затем, убедившись, что ему нечего бояться, вдруг выудил из рукава небольшой свёрток и протянул его Юн Шаню.

Юн Шань с подозрением принял странное подношение. Это было письмо, свёрнутое в многослойную шёлковую ткань [2]. Раскрыв её, он достал письмо и принялся бегать глазами по строчкам, с каждой секундой мрачней.

Юн Шаню всегда удавалось скрывать свои эмоции, даже самые сильные, но теперь его выражение стало не просто безразличным — оно приобрело такую холодность, словно лицо принца покрылось коркой льда. Взглянув на наследного принца, Юн Шэн тихо спросил:

— Даже и в этом случае кронпринц будет справедливым и беспристрастным?

Юн Шань не проронил ни слова. Он медленно сжал пальцы, комкая шёлк в своих руках, и поднялся на ноги. Юн Шэн предполагал, что брат отреагирует подобным образом, но картина оказалась настолько внушающей, что он неосознанно поднялся с места и сделал шаг назад. Ухмылка на его губах тут же померкла.

— Я не собираюсь шантажировать наследного принца, — заблеял Юн Шэн. — Я лишь сделал то, что мне велели, а ты можешь сделать то, что пожелаешь. Хочешь — порви, хочешь — сожги, дело твоё. Помочь моему дяде или нет — тебе решать, — начал сдавать позиции юноша, делая ещё шаг назад.

Юн Шэн отступил ещё дальше и вдруг оказался у порога комнаты. Стоя у выхода, он почувствовал себя спокойнее. Признаться, минуту назад ему показалось, что Юн Шань встал, чтобы разорвать его в клочья, и, помня об этом испуге, он завис в поклоне, собираясь быстро ретироваться.

— Уже очень поздно, — заговорил он, сложив руки вместе. — Разрешите покинуть Вас, Ваше Высочество.

Он не дождался позволения Юн Шаня покинуть это место и быстро выскочил за ворота, спрятавшись в своём паланкине. Закрывшись от чужих глаз, он коснулся своего лба, покрытого холодным потом.

[1] Заключены в шипы терновника — метафора, описывающая судьбу людей, рожденных в муках и всю жизнь вынужденные сражаться за собственную жизнь с двуличными людьми.

[2] Шёлковая ткань — специально изготовленная шелковая ткань, созданная для письма.

<http://bllate.org/book/13372/1189546>